

Аркадий Застырец

ПОДЖИГАТЕЛИ

Аркадий Застырец

Поджигатели

«Издательские решения»

Застырец А.

Поджигатели / А. Застырец — «Издательские решения»,

«Поджигатели» – удивительная пьеса: в легкой, искрящейся юмором и более или менее ясными историческими и литературными аллюзиями форме здесь говорится об очень серьезных и глубоких вещах. Самый жанр ее, в котором комедия запросто переключается на философский диалог, то с сатирическим запалом, то с трагическим надрывом, определен автором точно – патриотика, и пожалуй, это и есть жанр, особенно востребованный сегодня.

© Застырец А.

© Издательские решения

Содержание

Обреченные лица	6
Акт I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Поджигатели
(патриотика в двух актах)
Аркадий Валерьевич Застырец

© Аркадий Валерьевич Застырец, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Обреченные лица

КЛИКУША, неопределенного возраста, красивая, но совершенно не от мира сего, всё знает наперёд и время от времени кое-что из этого всего сообщает

КРЕСТЬЯНИН, из деревни Малые Косяки под Тарутином

УНТЕР, унтер-офицер 5-го егерского полка в нестроевой форме без фуражки

НАПОЛЕОН, Бонапарт, император Франции (ну, просто вылитый!)

МОТРЯ, девочка-крестьянка лет пятнадцати, руки и сарафан залиты кровью

ПЬЕР, образованный ополченец, в очках, переживает кризис самоидентификации

ЕЛЕНА-ТАТЬЯНА, женщина, скрывающая свое настоящее имя, но видно, что из дворян, и возможно даже, что не женщина... а хотя нет – женщина

ГРАФ, переодетый в русского мужика, распоясанный и босой московский губернатор Ростопчин, а может, впрочем, и не он, но по всему видно, что он

ФЛЕЙТЩИК, Орловского пехотного полка, 16 лет, ранен в колено

КУТУЗОВ, светлейший князь и генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, тут уж вообще несомненно

ГОЛОС КАЙСАРОВА, верного адъютанта Кутузова

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЛДАТЫ

Москва, вечер и ночь поздней осенью 1812 г.

АКТ I

В просторном помещении с каменными сводами, напоминающем опустевшую конюшню со стойлами, в которых на время скрываются и из которых внезапно являются иные персонажи. Закатный (или лунный) свет проникает сюда сквозь расположенные на недостижимой высоте узкие окна, вроде бойниц. На виду, суетливо подгребая под себя рассыпанную на земляном полу солому, копошится Кликуша. Посреди помещения, запрокинув лицо к свету и зажмурив глаза, стоит Унтер. На каменном выступе у дальней стены спит Крестьянин, сложив руку под голову.

КЛИКУША (*вдруг замерла, принялась и прислушалась*).

Человечиной жареной пахнет! Думаешь, это Москва горит? Нет, не только Москва! Скажешь, Россия полыхает? Нет, не одна Россия! (*Пристывает ходить по кругу, взмахивая руками.*) Весь мир адским пламенем объят! И скоро, во славу Божию, сгорит дотла! До мокрой золы и сухого пепла! Прахом пойдет вся наша жизнь – бывшая, нынешняя и грядущая! Прахом по всему небесному своду. Поднимется туча до самого солнца, развернется во вселенскую ночь, а после – врум-бурурум! бах-тарарах! – гром и молния, Богородице-дево, радуйся! Ангели воспоют на небесех!

КРЕСТЬЯНИН (*ворочается с боку на бок и ворчит спросонья*).

Ну что за шумная баба со мной угодила!

КЛИКУША.

Приидет Господь! Ливень пречистый хлынет, омоет пустыню, грехом сотворенную, Свету Правды дорогу проложит, спасенные души в Рай уведет...

КРЕСТЬЯНИН.

Дай же хотя час один подремать!

Кликуша послушно уходит в стойло и замолкает.

УНТЕР (*не открывая глаз*).

Назавтра небось отоспишься!

КРЕСТЬЯНИН (*невольно пробудившись и усевшись на ложе своем*).

Это в какой же такой оказии?

УНТЕР (*все так же – сомкнув веки и не оборачиваясь*).

Да в смертном же сне, курилка ты несмышленный! Набросают сюда народу нашего, сколько за ночь изловить успеют, а на рассвете выведут во двор и расстреляют всех разом. Вот тогда и спи, не хочу!

КРЕСТЬЯНИН.

И то правда, барин... А все не верится: неужто уже помирать? Не выпавшись, не выпев, не солоно хлебавши...

УНТЕР (*не меняя позы*).

Тьфу, дурак-мужик! Все бы жрать да спать! Да на что оно тебе перед смертью?

КРЕСТЬЯНИН.

Так всякая жизнь – перед смертью, барин... Хоть век живи, хоть день... Что ж, и вовсе не жить? Вот бы еще бабенку сюда какую, поразумнее да повеселее, чем эта (*кивает в сторону Кликуши*) – взял бы грех на душу, всесторонне потискал бы ко взаимному удовольствию!

УНТЕР (*по-прежнему неподвижный*).

Да ты вовсе скотина, братец! Нам бы теперь покаяться, исповедаться, да причаститься, а ты вон что – умножить низости свои возмечтал. Да веруешь ли ты в жизнь вечную?

КРЕСТЬЯНИН.

А вот засим, барин, прощенья просим, попался ты мне на фу-фу! Я-то в жизнь вечную как раз верую – свято и нерушимо. Оттого и в последний земной миг о живых моих нуждах радею. Ты же, как погляжу, именно что уверен: кончено! И с концом не в пробуждение, а в сон на веки вечные судьба нам погрузиться. Не Страшный Суд, а земля пухом!

УНТЕР (*глянув на Крестьянина через плечо*).

Уел, признаю. И откуда ты взялся такой богослов премудрый?

КРЕСТЬЯНИН.

Известно, откуда. Малокосяцкие мы.

УНТЕР.

То есть? Намекаешь на то, что я – великокосяцкий?

КРЕСТЬЯНИН.

Да нет, барин! Малокосяцкие – не в том смысле, что малость покосились, а в том, что родом из деревни Малые Косяки, под Тарутином.

УНТЕР.

Чья деревня-то? Какого помещика будешь?

КРЕСТЬЯНИН.

Так это, Георгия Степановича Дорогоку...

Не дав ему договорить, с грохотом распахивается железная дверь. Французские солдаты вталкивают в помещение маленького полноватого мужчину без шапки, в белых суконных панталонах и темно-зеленом сюртуке, замаранном известью и сажей. Это Наполеон Бонапарт, император Франции.

НАПОЛЕОН (*говорит по-французски*).

Батард! Бэзе муа а мон фесье! Же ву ди, салод! Же сюи вотр амперёр!

Наполеон от грубого толчка падает в ноги Унтеру. Дверь с грохотом закрывается. Из-за двери раздаются грубый хохот и голоса.

ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ (*говорят по-французски*).

Ах-ха-ха-ха-ха! Бьен сюр, вотр мажестэ мон амперёр! Ну серон ву бэзе а вотр фесье! Авек гран плэзир! Демэн матэн, ах-ха-ха-ха-ха!

УНТЕР (*стоя неподвижно и глядя в высокое окно, говорит по-французски*).
Бонжур, вотр мажестэ Антекрист.

НАПОЛЕОН (*говорит по-французски*).
Бонжур, месье... Мэ ком савэ-ву?.. Мэ сольда дэз ан!

УНТЕР (*не меняя позиции*).
Да уж, хороши! За что они вас сюда?

НАПОЛЕОН.

Представьте, приняли за поджигателя! Я решил лично проехаться по улицам, полюбоваться столицей... Ну чем же тут, в самом деле, еще заняться? Я уже с тоски начал подыхать в этом вашем Кремле! Думал развеяться, оценить архитектурные памятники, поучаствовать в грабежах, наконец отодрать в руинах первую встречную русскую девку...

УНТЕР (*не меняя позиции*).
Отодрали?

НАПОЛЕОН.

Не догнал. И свита моя отстала. Думаю, всего-то на квартал или два... Я упал, больно ударился, разодрал панталоны, испачкал свой знаменитый сюртук!.. Это не город, а какой-то Критский лабиринт! Кто его строил? Пьяные скифы? И притом ни души! Не у кого спросить дорогу.

КРЕСТЬЯНИН.

Так это сам Бонапарт, что ли? Батюшки-светы! (*Крестится.*)

УНТЕР (*не меняя позиции*).
А вы неплохо говорите по-русски, месье. И что же с вами далее приключилось?

НАПОЛЕОН.

Так у меня же бабушка – русская, двоюродная, по материнской линии...

УНТЕР (*не меняя позиции*).
Да что вы. А я думал, вы сплошь корсиканец.

НАПОЛЕОН (*в крайнем возмущении*).

Да что же это такое! Ассе! Комбьян пуве ву! Далась вам эта Корсика! И еще иудейство! То корсиканцем назовут, то евреем!

УНТЕР (*не меняя позиции*).
Не может быть.

НАПОЛЕОН.
Евреем и цыганом!

УНТЕР (*не меняя позиции*).
Всеми одновременно?

НАПОЛЕОН.

Не лишено оснований. Знаете, сколько во мне понамешано... Да в моих жилах течет кровь двенадцати языков!

УНТЕР *(не меняя позиции)*.

И тем не менее, вы чистокровный француз.

НАПОЛЕОН.

В душе я вообще русский!

КРЕСТЬЯНИН *(С античным вздохом)*.

О, рюс!

НАПОЛЕОН.

А зачем бы я по-вашему попёрся в эту, мать её, древнюю столицу?! С этими ее легендарными стенами... Ну, чего такого особенного, скажите на милость, в этих стенах?!

КЛИКУША *(выглянув из стойла)*.

И да созиждутся стены Иерусалимские. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожжегаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы!

УНТЕР *(не меняя позиции)*.

Уж в чем, в чем, а в том, что вы напрасно припёрлись в Россию, нас убеждать не надо! Но продолжайте ваш рассказ. Как же вы угодили в узилище сие? И отчего не узнали вас в лицо ваши собственные солдаты?

НАПОЛЕОН.

Да дьявол их разберет! Но я уже ничему не удивляюсь. Безумный город! Проклятый поход! Эти кретины видели меня несколько раз издалека и свято уверены, что Наполеон – человек огромного роста, с длинными, вечно развевающимися по ветру волосами, с глазами, горящими как свечи во льду, в черном, расшитом золотыми позументами мундире и подпоясан имперским флагом, как казак кушаком.

УНТЕР *(окинув Наполеона критическим взглядом)*.

М-да, портретец изрядно приукрашен...

НАПОЛЕОН.

Ну, это вы, допустим, зря. Однажды много лет назад на Аркольском мосту я именно так и выглядел. *(Принимает соответствующую позу.)*

С грохотом открывается дверь. Грубый хохот, ругань, крики. В помещение вталкивают Мотрю. Это плотного сложения, с развитой грудью и иными сферами девица в залитом кровью сарафане, каковою же обгарены и руки ея. Дверь затворяется.

МОТРЯ.

Хренцузы засраны рейтузы! Да чтоб вам сдохнуть, твари окаянные! Блудодеи! Душегубы! Охальники! Чтоб вас ударило, сплющило и по земле, как мух по лавке, размазало!

НАПОЛЕОН.

Мон анфан!

МОТРЯ.

Что ты сказал? Мананфа? Я тебе сейчас покажу мананфу! *(Кидается на Наполеона, пытаясь дотянуться до глаз его ногтями. Крестьянин удерживает и оттаскивает ее.)*

КРЕСТЬЯНИН.

Погоди, девонька! Оный ведь тоже в плену. Его, аки нас с тобою, хренцузы эти самые сцапали.

НАПОЛЕОН.

Девушка, что вы себе позволяете! У вас и так вон... руки в крови. По локоть!

МОТРЯ *(Испуганно)*.

Это не моя кровь! Это ихняя!

НАПОЛЕОН.

Да какая разница!

МОТРЯ.

Как это какая разница? Разница есть! Я цела! Я не дала! Это не моя кровь! У меня жених есть, Ваня! Я девица честная! Я не дала! Я не дала! Я не дала! *(Кричит, рыдает, падает и, всхлиывая, затихает, утешаемая Крестьянином.)*

НАПОЛЕОН.

Дитя мое... Поверьте, я искренне... Если вас обидели мои солдаты, скажите лишь слово – и обидчики ваши будут тотчас же казнены!

УНТЕР.

Вы в своем уме, ваше императорское? Если кто и будет казнен, так это вы вместе со всеми собравшимися здесь... поджигателями. Причем, скорее всего, наутро. Ваши маршалы не успеют прийти к вам на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.